

УДК 821
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6-44
К 59

Козлов С. С.

К 59 Сорок дней: Русская исповедь: Сборник прозы / Сергей Сергеевич Козлов. — М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 603, [5] с.

ISBN 978-5-00127-099-7

Новый роман известного сибирского писателя Сергея Козлова «Сорок дней» — это РУССКАЯ ИСПОВЕДЬ. Автор показывает собственную душу и ее греховное состояние, ее боль и устремления, смыслы жизни и смерти. В работе над книгой в решении трудных и спорных вопросов автору помогли труды святых отцов Церкви: Василия Великого, Григория Богослова, Игнатия Брянчанинова, Филофея Лещинского, Николая Сербского, Паисия Святогорца, оптинских и афонских старцев, а также работы современных авторов: «Традиции и заблуждения» священника Вадима Коржевского и известная книга «Душа после смерти» отца Серафима (Роуза).

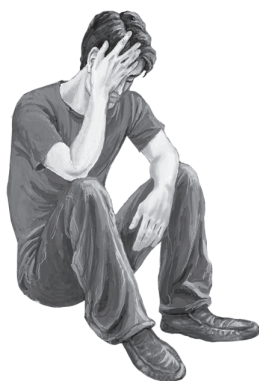
© Козлов С.С., текст, 2017
© Издательство «Сибирская
Благовонница», оформление, 2017

Сорок дней

(русская исповедь)

Р о м а н

По отшествии из сей жизни нет уже времени для добрых дел...

Василий Великий. Нравственные
правила

*Бог же не есть Бог мертвых, но живых,
ибо у Него все живы.*

Лк. 20:38

*Жизнь коротка и печальна, и поскольку
она печальна, то хорошо, что она коротка.
Бог милостив.*

Леонид Шебаршин. Афоризмы
от начальника советской разведки

*Необходимо нам, кратковременным
странникам на земле, узнать нашу участь
в вечности.*

Святитель Игнатий (Брянчанинов).
Слово о смерти

0

Его вкатили в нашу палату после долгой комы. Он загадочно и радушно всем улыбался, и первое, что сообщил: Бог всех нас любит, не надо ничего бояться, кроме своих грехов. Доктор взглядом дал нам понять, что с парнем после долгого отсутствия на этом свете не всё в порядке.

С ним действительно что-то было не так. Но это «не так» было и с первого, и со второго взгляда добрым и светлым, искренним и неподдельным. В это «не так» верилось сразу и безоговорочно, и настолько верилось, что можно было подумать, это с нами что-то не так, а с ним теперь всё в порядке...

Доктор попросил какое-то время его не беспокоить. Но разве любознательные, охочие до разговоров в вагонах и больничных палатах русские люди оставят такого загадочного соседа

бежит закрывать отражения, словно нет ничего важнее... Или нам возможно нырнуть в зазеркалье, как Алиса, и попасть в плен обманчивых потусторонних миров? Что может увидеть душа в зеркальной глади? Своё обезображенное страданиями лицо? Злых духов? Свои грехи?..

Грехи... Смутное, ещё отдалённое чувство стыда переходит сюда вместе с таким же смутным чувством того, что ты перешёл в некое новое состояние. Тебе ни тепло, ни холодно, ни больно. А вот осознание того, что ты во многом был не прав, что допустил миллиард малых и больших ошибок, — это чувство — рядом, как и то, что ничего уже не исправить. Оно где-то в затылке, точнее, там, где он должен быть.

Учёные считают, что человек использует свой мозг только на три процента. Верно. Но три процента — это процессор, работающий в наше время с жуткой натугой и перегревом, а остальные девяносто семь — это огромный сервер, который хранит в своей памяти каждое мгновение нашей жизни, и главное — у него есть виртуальная копия в безбрежной Вселенной. Там ничего стереть нельзя! Вернуться и поправить — невозможно!

Господи! И ведь ничего нельзя отыграть назад! Сколько дурных и постыдных поступков хотелось бы вычеркнуть из жизни ещё при жизни! И никакие детство и юность не оправдывают жестокость и трусость. Если бы я сейчас

мог плакать, я бы рыдал... Рыдал и просил бы Господа и весь мир простить меня, хотя сам себя простить не могу и не смогу никогда. Это как в детстве — с чувством вины прижаться к груди отца, который любит и прощает. Но забыть совершённое мною зло — хватит ли вечности?..

Я бы плакал... Но плачет Варя.

Варя плачет. Тихо, безутешно и — бессмысленно.

Варенька, зачем ты плачешь? Ведь мы с тобой вместе всегда верили в то, что жизнь на земле не кончается, что, по сути, она только начало. Зачем же ты плачешь?

Ах да! Я сам когда-то говорил, что плачем мы не по усопшим, а по себе любимым, остающимся здесь, в этом красивом, но давно уже недобром мире, который человечество изуродовало. Мы плачем от разлуки, от наступающего одиночества, от кажущейся нам несправедливости происшедшего. Вечный вопрос: почему это происходит со мной? Маловерие наше за ним маячит. Помнишь, разговаривали об этом? Уверен, что хотя бы часть того, что я тебе сейчас пытаюсь сказать или передать мысленно, ты смутно чувствуешь, но не можешь пока перешагнуть боль утраты. Что же мне сделать, чтобы ты почувствовала: я здесь, я рядом?!

Взял твои руки в свои, которыми ты держишь мою фотографию... Зачем тебе этот мёртвый образ? Я у тебя в памяти живее! Я же

вижу целое кино в тебе! Целое кино нежности и любви...

Напрягаю волю что есть сил, а их у меня здесь, оказывается, не так уж и много. А вот воля есть! Есть воля! Точно есть! Её, родимую, я и напрягаю и невероятным напряжением этим едва лишь качнул корвалольную воду в рюмке рядом на столе. Ух ты! Тепла-холода не чувствую, а специфический запах корвалола невероятным образом ощущаю! Он словно меня всего изнутри пронизывает. Фу, неприятный, резкий! И от всех этих моих усилий рюмка падает на пол. Даже не разбивается. Ты смотришь на неё, как на последнюю дуру, будто она одушевлённая и может только не к месту падать. Тебя даже не удивило, что она упала сама по себе, тебе подумалось, что ты её нечаянно задела локтем.

Вот тебе и попытка коммуникации с любимым человеком! А ведь только час назад похмельный фельдшер неотложки констатировал мою смерть... Велел вызвать машину из морга. А ты почему-то не стала. Пока не стала. Оставила меня на нашей кровати, просто закрыла дверь в спальню и ринулась занавешивать зеркала.

Что же в них можно увидеть?

Я способен проходить сквозь стены, а за простынное полотно на зеркале не могу!

Ты не ощущаешь моего присутствия в полной мере, а я не ощущаю в полной мере

присутствия того, кто изначально был рядом. Могу только догадываться, кто это. Я не о Боге. Он — всеобъемлющ. Что ты там шепчешь?

— Господи, не забирай его... Я знаю, что для Тебя нет ничего невозможного и смерть Тобою побеждена... Верни его. Ты же можешь... И я остаток жизни буду служить Тебе. Мне надо просто знать, что он здесь, что он рядом со мной. Это так немного, Господи...

Если бы я мог заплакать в своём новом состоянии, я бы заплакал. Но сейчас у меня просто всё сжалось в том месте, где должна быть грудь. Нет, она явно была. Но тело стало другим. Абсолютно другим. Сказать какую-нибудь чушь типа «эфирное» — значит ничего не сказать. Ни в физике, ни в метафизике нам ничего об этих состояниях даже близко не известно. Но точно могу сказать одно: стены, потолочные перекрытия, расстояния и даже время не являются для этого тела препятствием. Во всяком случае, когда мне захотелось побыть одному на улице Старого города ранним утром, я именно там и оказался. Легко. Со скоростью мысли.

Тишина... Как я люблю эти старые каменные и деревянные особняки и дома, что тянутся к реке и вдоль неё! Высится над ними церковь Ильинского монастыря, отливает по небу заря золотом её куполов, и благовест мерно

опускается на город да уносится вдоль по реке. Здесь этот звон льётся, а не разбивается о мёртвый стеклобетон современных офисов и торговых центров, где уже нет музыки в камне, где вообще нет никакой музыки, кроме суеты, которую сдерживают только автомобильные пробки. В этих пробках безумная жизнь нынешних горожан проходит, как сквозь узкое горло песочных часов. Не так давно и я, подверженный инстинкту толпы и успеванию зарабатывать, нетерпеливо колотил по рулю ладонью, сквернословил за рулём и ругал заторможенных водителей и «чайников». И только однажды мне пришла мысль свернуть на обочину и посмотреть на всё это со стороны, плюнув на все неотложные, как нам кажется, дела. Дело шло к вечеру. Выйдя из машины, я вдохнул наползающий на город сумрак и уже без раздражения посмотрел на автомобильный рой вдоль улицы, с иронией наблюдая за нервными водителями и принципиально нерасторопными пешеходами, что пользовались своим преимуществом. И над шумом города: гулом моторов, клаксонов, зуммерами светофоров, мобильной болтовнёй, шарканьем и топотом подошв — я услышал тот самый благовест. И потом часто по утрам просто приходил на Ильинскую улицу послушать его и радовался, что сюда не добрались нынешние горе-строители и архитекторы. Из старых дворов тихо дышала вдоль улицы сама история...

Я давно понял, что мир сходит с ума, что мы живём в последние времена. Во всяком случае, признаки, указанные Самим Спасителем, апостолами, святыми, уже не просто говорили — они кричали! Но мир в апостасийном своём безумстве разлагал себя сам, как раковая опухоль. Да и я — чем я был лучше в своём знании, если жил по правилам и на скорости этого несущегося в пропасть мира? Брёвна в моих глазах служили разве что распорками, чтобы не жмуриться от осознания глобального безумия. Возможно, только два чувства не позволяли мне окончательно рухнуть в эту бездну — вера в Спасителя и любовь к Варе. И уверенность в том, что на этой земле всё не кончается. Уверенность, над которой так или иначе посмеивались мои друзья.

Уж сколько раз повторял за псалмопевцем: «Кто из людей жил — и не видел смерти?»* Но такая уж в наше время была манера — сторониться всего, что связано со смертью, постараться вообще забыть, что она может прийти в любой момент. И забывали сказанное апостолом: «Человекам положено однажды умереть»**. А кто и не знал, и знать не хотел.

И вот не увидел я никакого тоннеля, в конце которого свет, как описывали многие, кто пережил клиническую смерть. Не встретили меня родственники. Единственное, что ощутил:

---

* Пс. 88:49. || ** Евр. 9:27.

полная свобода для движения во всех измерениях. Но мысли, чувства, тревога, тоска, а главное — угрызения совести, грехи нераскаянные — всё это осталось. И никуда от них нельзя было оторваться: хоть лети под самые небеса так, что город превращается в размытое облачной дымкой пятно, хоть сквози вдоль улиц вместе с пыльным ветром.

Тоннеля я не видел, а вот собственное прошлое, казалось, могу вспомнить посекундно. Особенно то, что вспоминать не хотелось, то, что и без того мучило когда-то душу... Ох, сколько мы бездумно, походя, а хуже того — сознательно совершаем поступков, о которых потом приходится жалеть до конца земной жизни. Но самое страшное — после неё.

Кто-то рядом. Почему я его не вижу? Словно он постоянно стоит за плечом. Я пытаюсь оглянуться, но он всё время остаётся в мёртвой — не достижимой взглядом — зоне...

Я не спеша двигался вдоль старой, сохранившей ещё дореволюционное лицо улочки. И вдруг у одного из особняков заметил тёмную фигуру. Мужчина в чёрном плаще и солнечных очках стоял у старинных резных ворот. Одет он был вполне современно, и, судя по тому, что тёмные очки его были направлены в мою сторону, он мог меня видеть. Я не спеша приблизился.

— Ну что, ты уже понял, что тебя нет среди тех, кого называют живыми? — без всяких

сопутствующих любезностей спросил человек в чёрном.

— Да. А вы, простите, в том или в этом мире?

— Я — хоть где! — ухмыльнулся он и снял очки.

За ними оказались два совершенно разных глаза. Один, карий, спокойно и чуть высокомерно смотрел на меня, второй — зеленоватый — слегка косил и, словно был зафиксированным или вставным, не двигался, не вращался. Это не делало лицо незнакомца отвратительным, но несколько настораживало.

— Я знаю, чего ты хочешь, — сказал он так, словно умел читать мысли, хотя я между тем сам ещё не знал, чего хочу, что мне делать и как быть дальше.

Ни воронок, ни тоннелей, ни света, ни темноты... По греховности моей я, видимо, был недостойн ангельской встречи или сопровождения. И... Вот это-то «и» и уловил незнакомец.

— Ты хотел бы быть рядом с Варей, тебе трудно её покидать... — Он попал в точку. В десятку!

То место, где у живого тела должно быть сердце, ответило сдавленной болью.

Чего он от меня хочет?

— Ну что? Хотел бы ты остаться с ней?

Я не успел ответить. Тот, кто был всё время где-то рядом, за тем самым плечом, ответил за меня:

— Он ничего о тебе не знает. — И обратился затем ко мне: — За восемь тысяч лет они научились читать вас. Кого — как книги, кого — как газеты, кого — как простой лозунг. Но они не могут читать ваши мысли, не могут знать состояние души. Они могут только искушать.

Всё встало на свои места. Тот, которого я не видел, видимо, всё же был моим Ангелом-хранителем, второй — в чёрном — явился с другой стороны. Он только едва ухмыльнулся услышанному и повторил вопрос:

— Я у тебя, а не у твоих защитников спрашиваю: ведь ты хочешь, чтобы Варя была с тобой?

Миллионы вариантов ответов пронеслись в моей голове, но пришел тот, единственно верный:

— Господь решит — кому, когда и с кем быть. Я приму любую Его волю...

— У тебя, в отличие от твоего защитника, есть собственная воля.

— Я хотя бы здесь сознательно подчиняю её воле Божией...

— Ты думаешь, твоё раболепство спасёт тебя от неминуемой кары за всё, что ты совершил?

— Отойди, ещё рано, — потребовал за моей спиной Ангел.

Тот, который был в чёрном, внимательно посмотрел за моё плечо.

— Не вопрос, — совсем современно, человечьи согласился он, — я уйду, но ты, — он обратился ко мне, — хорошо подумай.

И растворился в утренней заре, словно его и не было. А я оглянулся, но никого позади не увидел.

— Где ты? — спросил я. — Я же знаю, ты рядом...

— Еще не время... — услышал я ответ, но так и не увидел своего Хранителя.

Ничего не оставалось, как смириться.

Здесь не чувствовалось времени. Возможно, его не было совсем, или оно имело совсем другие качества. Качества вечности. Или разливалось, подобно Вселенной, во все стороны, и нельзя было увидеть ни его начала, ни его конца, если он вообще был. Зато можно было воспарить над лесом или рекой и нестись над самой водой или над макушками сосен на скорости хоть планера, хоть реактивного самолёта. Можно лететь на рассвете, а можно — на закате, можно совершить это в любое время года, которое тебе представлялось...

Но возвращаться приходилось туда, откуда ты оторвался...

2

Когда я вернулся домой, наступила уже глубокая ночь. Этот маленький мир был мне необычайно мил и близок, и больная душа моя содрогалась, потому что знала, что мне придётся его покинуть. Во всяком случае, до Страшного Суда.

Вы не верите в Страшный Суд? В первые же секунды здесь вы поймёте его неотвратимость как неотвратимость воздаяния за всё совершённое. И начнётся он в эти самые первые секунды, когда не защищённая одеждой брэнного тела душа, лишённая бытийного и никчёмного суемыслия, вдруг окажется один на один со всем наследством доброго и злого, совершённого на земле. И совесть — голос Бога — уже не заглушишь принудительным напряжением воли, не отвлечёшься от него в работе или в развлечениях, не растопчешь его мирскими удовольствиями. И вновь и вновь будешь видеть сразу несколько картин из своего брэнного прошлого. И даже то, что казалось невинными шалостями, безобидными шутками, здесь обретает совсем другой вес, и я ещё не знаю, какую роль сыграет этот вес, упав на чашу весов на частном Суде.

Я ещё ничего не знал. Мог только пробежаться по обширным книжным полкам, за секунду вновь перечитав все книги, дабы понять, что половина из них заполнена ложной мудростью, витиеватым многословием, из которого может быть рождена только гулкая пустота — чёрная материя Вселенной.

Заплаканная Варя дремала у стола. Словно почувствовав моё возвращение, она вздрогнула, подняла голову, посмотрела на часы и тяжело вздохнула. Потом встала, подошла к иконам, опустила на колени и стала шёпотом молиться.

Господи, как же редко мы обращались к Тебе с молитвой! Мы вспоминали о силе молитвы только в болезни и несчастье, когда приходили горе, страдания, испытания. А теперь у меня не было коленей, чтобы опуститься на них...

Я скользнул в спальню, где лежало моё тело, но его там не было. Значит, Варя всё же отправила его в морг. Я сразу вспомнил, как в советском своём атеистическом детстве боялся моргов, обходил их далеко стороной, а ещё боялся похоронных маршей. Заунывью своей они вселяли в мою трепетную детскую душу вселенский ужас. Невозвратимый и безнадежный. Не оставляющий ни единого шанса. Так было до тех пор, пока я не прочитал Евангелие. Радостную весть... Радостную, потому что смерть была побеждена Спасителем. И мне было удивительно, что многие этого не знали и не хотели знать, ибо без этого знания жизнь абсолютно бессмысленна. Простой биологический акт. Но я, как и многие маловеры и начинающие христиане, долго не понимал — почему, к примеру, болеют, страдают и умирают дети, пока один иеромонах не ответил мне просто и доходчиво: вместе с ними страдает и умирает Христос, а остального нам знать не дано, да и не надо.

А сейчас мне почему-то захотелось увидеть своё тело. Увидеть ещё раз. Зачем? Не знаю... Точно так же, как ранее хотелось заглянуть под покрывало на зеркале. Но я не ощущал с ним связи. Ещё недавно мне казалось, что меня

связывает с ним некая тончайшая нить, а сейчас, когда его не было в комнате, в доме, я этой нити не чувствовал. В какой морг отправиться?..

В прихожей зазвонил телефон. Варя, вздохнув, встала с колен.

— Слушаю... — Голос тихий, сдавленный.

Кто там её беспокоит в такой час? Может, тёща? Угадал... Словно услышал её вопросы в эфире. А Варя отвечала:

— Мама, его увезли. Да... Нет, я не думаю ни про какие поминки, слышишь? Не затевай ничего! Я тебя прошу! Мне тошно от этих пьянок у надгробий! Мне не нравятся такие обычаи. Я отпевание закажу... Мам, не надо, мне и так плохо... Давай потом поговорим. Нет, пока не надо ко мне приходить. Да, сердце остановилось... Да, не берёг себя... Да, мама, время такое... Нет, мама, я не убиваюсь, но мне очень плохо, прости... — И отключила трубку, а потом бросила её на диван и привалила сверху подушкой.

— Господи, тяжело-то как, — сказала моя Варенька в стену, села на тот же диван и уткнулась лицом в ладони.

И девятый вал жалости охватил меня... Ничего, ничего я уже не мог для неё сделать, мог только жалеть о том, чего не сделал, о том, как мало любви и заботы я ей уделил.

От жалости этой, сдавившей меня со всех сторон, я рванулся вверх — сквозь этажи и крышу, завис где-то над городом.

Три дня до самых похорон я буду здесь? Так вроде по всем канонам? Хотя Богородицу Сам Спаситель встретил сразу и увел в Царствие Своё... И красиво это так называли: Успение. Здесь она уснула... А пророков Илию и Еноха Господь вознёс живыми... И многие святые сразу поднимались в Царствие Небесное, потому как ничто их с этой брэнной имитацией жизни не связывало. И вспомнился почему-то Гоголь, который просил, умирая, лестницу... Мало кто знает, что последними словами Пушкин призывал: «Господи Иисусе Христе...» Ещё более удивителен последний день современного поэта Юрия Кузнецова, написавшего поэму о Христе. Утром он собрался на работу в редакцию журнала, оделся, сел в кресло в прихожей и сказал жене: «Надо домой...» — «Ты же дома, Юра...» — изумилась супруга, но Юра в этот момент уже отбывал... Домой...

Я рванулся выше, но вдруг почувствовал, как на меня обрушилась вся моя порывистая жизнь. Обрушилась не образами, а словами, фразами, речами! Они буквально сбили меня с высоты, прижали обратно к земле. И падали они, словно на две чаши весов, только самих чаш не было видно. В одну сторону падали мои редкие молитвы и добрые пожелания, мои благословения, а на другую — застольная болтовня, анекдоты, глупые песни, смех и хохот. И чаша эта наполнялась куда быстрее, чем первая. Сколько же ненужных слов мы говорим, особенно для того,

чтобы казаться другим интересными, умными, или, к примеру, распущенными и наглыми — в зависимости от обстоятельств! И вся эта словесная шелуха страшна как раз тем, что, не имея никакого веса там, здесь она давит тебя своей бессмысленностью и объёмом потраченного на неё времени. И всё потому, что Слово было в начале, как писал апостол Иоанн*, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Такой вот вес у мысли и слова. А я...

Это там, среди улыбчивых друзей, я легко отпускал в мир, как казалось мне, остроумные шутки и даже пошлости, а здесь... Здесь они были страшным упрёком в том, что это была усмешка над Божиим замыслом о нашей речи, о нашем мышлении. И пудовыми гирями падают на беззащитную в этом пространстве, в этом измерении измерений душу скверные слова, которыми мы, русские, приправляем любую работу и даже принятие пищи... И мне показалось, всё это меня сейчас раздавит и прильёт к земле, от которой и не так высоко я оторвался. Но на другую чашу весов упали те несколько уроков, во время которых я говорил с учениками о Боге.

Да, я работал учителем в школе и говорил с детьми о Боге, хотя в светском учебном заведении это не только не приветствовалось,

---

* См.: Ин. 1:1.

но даже порицалось вплоть до наказаний и увольнения.

И всё же пустословие и сквернословие были тяжелы... Настолько тяжелы, что хотелось от стыда и боли зажмурить глаза, если бы это было в моём состоянии возможно.

И тогда — словно последняя надежда — упали на правую чашу весов те слова, которые я произносил открыто, исповедуя Господа нашего Иисуса Христа публично. В тех местах и в тех случаях, где одно только упоминание о Спасителе вызывало ненависть и насмешки, могло стоить мне карьеры, а иногда и угрожало здоровью и самой жизни. Да, я грешный, грязный, недостойный, но я представить себе не мог, что откажусь и умолчу о Христе где бы то ни было! Ведь это — как отказаться от жизни самой, от последней и самой главной надежды! И, вспоминая Страсти Христовы, тяжкий груз грехов наших, что принимал Он в Гефсиманском саду, мучения Его Крестные, я мог только плакать над безумцами, которые не понимали, не хотели знать — зачем и для кого Он приходил в этот бранный мир, как умолял с Креста Отца Небесного не вменять убийцам в вину, ибо не ведали те, что творили... И перед этой любовью к человеку я мог только преклонить колени, ибо сам такой силой любви не обладал — объём её был непосилен для моего слабого, больного, захламлённого суетой сердца.

И сейчас я буквально почувствовал, что Сам Спаситель напомнил мне те места из моей беспутной жизни, когда я не отказался от Него, хоть и слабее, и безбрежно грешнее был, чем искушённый апостол Пётр, три раза отрёкшийся от любимого Учителя в одну страшную ночь... Но мне это тогда не казалось подвигом. А сегодня я вдруг понял, что Сам Господь, как и обещал, встал на мою защиту. «...Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным...»*. И все мои пустые слова превратились в золу, которую унесёт вдоль реки времени ветер, а эти, сказанные твёрдо и от сердца, перевесили их.

Да, я помню... Одна из сцен в этом фильме моей жизни почему-то задержалась, и я просмотрел её вновь, в мельчайших деталях. Это было в конце девяностых. Я работал учителем истории в средней школе. Тогда, когда рушили фундаментальное образование, тогда, когда интернет и телевизор воевали против учителей.

Чиновница департамента образования приехала в нашу школу с проверкой. Самодовольная и самовлюблённая. С напускной строгостью и неоправданной придирчивостью. Сама-то она — стояла ли у школьной доски? стучалась ли в детские сердца?

---

* Мф. 10:32.

Ещё с порога начала тыкать нашему бедному директору: тут не так, тут почему так, там почему не здесь... И он послушно кивал, иногда несмело возражал и с покорностью низкооплачиваемого клерка принимал справедливые и несправедливые упрёки.

Большая школа — это огромный мир, который населяют потенциальные нарушители порядка. Говорю об этом с улыбкой: просто вспомните себя — каждый из нас хоть раз, но оставлял свои граффити на парте или на стене, портил школьное имущество, подшучивал над педагогами, сбегал с уроков, «дописывал» за профессоров учебники и т.д. и т.п. А за всё это всегда отвечал директор. И в том числе за школьную нищету, словно это он прятал по кубышкам и «пилит» бюджет, и за недобросовестных, и за усталых учителей. И оставался единственным промежуточным звеном между озлобленной на глупые, вредные и никчёмные реформы, на низкую зарплату педагогической общественностью и чиновниками, которые с безумным рвением воплощали рождающиеся в тёмных кулуарах министерства образования инновации и копировали педагогическую деградацию западных образцов.

Наконец, верхоглядная тётка-чиновница авианосцем вплыла и в мой кабинет под прикрытием суетливо окружающих её крейсеров и эсминцев — клерков. И с порога её, бедную, застопорило и заклинило: она увидела на стене иконы...

— Это что? — возмущенно ткнула она в образ Сергия Радонежского.

— Это кабинет истории... — попытался начать директор.

— Я не у вас спрашиваю, у вас я чуть позже и куда как строже спрошу, я обращаюсь к этому педагогу. Повторяю: что это?!!!!!!!

— Это не что, это — кто, это — великий русский подвижник святой Сергей Радонежский, который благословлял на Куликовскую битву московского князя Дмитрия Донского. Помните из истории?

— Я-то помню! А вот вы, видимо, забыли, где работаете! Почему икона, а не портрет?!

— Потому что он святой...

— Вы что мне тут клерикализм разводите?!

— Разводят кроликов или собак.

— Не перебивать! Это... что... кто...?

— Это святой адмирал Ушаков.

— Он что, тоже святой?

— Так точно. Канонизирован.

— Хорошо, пусть это исторические личности. Но вот это как понимать?! — Она наглым пальцем, обвитым безвкусным перстнем с огромным синим камнем, ткнула в образ Спасителя.

— Это Господь наш и Спаситель — Иисус Христос.

— Историческая личность? — хитро прищурилась проверяющая.

— Это больше, чем историческая, больше, чем любая личность. Это Сын Божий, искупивший Своими Крестными страданиями грехи человечества.

— Вы что — смеётесь? Я лично никого свои грехи искупать не просила!

— Православие определено как одна из традиционных для нашего государства религий, и значение её в истории России... — несмело попытался вставить директор.

— А школа, — чиновница повернулась к нему, — определена как светское учебное заведение. А вы мне тут молельню из кабинета истории сделали! Сфотографировать! — командовал авианосец своим вспомогательным кораблям, и тщедушный мужчина тут же начал щёлкать спуском цифровой фотокамеры, фиксируя вопиющее нарушение светскости в новой, демократической российской школе.

— Ответите отдельно!.. И подумайте, нужны ли вам в современной школе такие... — тётка презрительно глянула на меня, — педагоги.

Я был спокоен. Потом коллеги мне сказали, что я при этом улыбался, как юродивый. Что ещё больше раздражало чиновницу. Чем всё закончилось? Иконы остались на месте, а я — на работе. Надо отдать должное директору, он не позволил меня уволить и смог отстоять право русских святых находиться в кабинете русской истории...

Содержание

СОРОК ДНЕЙ. Русская исповедь. Роман	5
ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ. Рассказ	563
ТО НЕ ВЕЧЕР... Рассказ	590